

Библиотека Классической Литературы

ЭМИЛИ БРОНТЕ
Грозовой перевал

Перевод с английского

Москва 2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Перевод с английского *А. Грызуновой*

Иллюстрации художника *Ч. Брока*

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты картин художников *М. Пифнера, Т. Лоуренса* и *Д. Гримшоу*

Серия «Шедевры мировой классики»

Оформление серии *И. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция картины «Alice» (1877 г.) художника Henry Wells

Серия «100 главных книг»

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Бронте, Эмили.

Б88 Грозовой перевал : роман / Эмили Бронте ; [пер. с англ. А.Б. Грызуновой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с.

ISBN 978-5-04-089034-7 (Библиотека всемирной литературы)

ISBN 978-5-04-089036-1 (Шедевры мировой классики)

ISBN 978-5-04-089037-8 (100 главных книг)

Любителям «страшилок» просьба обратить внимание: готический роман, неоднократно упоминающийся в вампирской саге «Сумерки», и одновременно самая романтическая книга всех времен — «Грозовой перевал» Эмили Бронте. Трагедия разворачивается на фоне мрачных вересковых пустошей в «дьявольской книге, немислимом чудовище, объединившем все самые сильные женские наклонности...».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-089034-7 (ББЛ)
ISBN 978-5-04-089036-1 (ШМК)
ISBN 978-5-04-089037-8 (100ГК)

© Грызунова А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Оглавление

ГЛАВА I

9

ГЛАВА II

17

ГЛАВА III

30

ГЛАВА IV

48

ГЛАВА V

58

ГЛАВА VI

63

ГЛАВА VII

72

5

ЭМИЛИ БРОНТЕ

ГЛАВА VIII

87

ГЛАВА IX

100

ГЛАВА X

123

ГЛАВА XI

148

ГЛАВА XII

163

ГЛАВА XIII

181

ГЛАВА XIV

197

ГЛАВА XV

209

ГЛАВА XVI

220

ГЛАВА XVII

227

6

ГЛАВА XVIII

252

ГЛАВА XIX

265

ГЛАВА XX

271

ГЛАВА XXI

279

ГЛАВА XXII

303

ГЛАВА XXIII

312

ГЛАВА XXIV

323

ГЛАВА XXV

337

ГЛАВА XXVI

343

ГЛАВА XXVII

349

ЭМИЛИ БРОНТЕ

ГЛАВА XXVIII

367

ГЛАВА XXIX

376

ГЛАВА XXX

385

ГЛАВА XXXI

393

ГЛАВА XXXII

402

ГЛАВА XXXIII

418

ГЛАВА XXXIV

430

ГЛАВА I

Год 1801. Только что возвратился, посетив своего домовладыку — одинокого соседа, коему предстоит тревожить мой покой. Восхитительные здесь края. Во всей, представляется мне, Англии не найдется мест, столь совершенно удаленных от сумятицы общества. Рай мизантропа; и нам с господином Хитклиффом вполне пристало делить подобное уединенье. Превосходный человек! Едва ли он постигал, сколь потеплел я к нему душою, узрев, как черные его глаза подозрительно спрятались под бровями, когда я подгарцевал ближе; как пальцы его с ретивой решимостью глубже погрузились в карманы жилета, когда я представился.

— Господин Хитклифф? — осведомился я.

Кивок был мне ответом.

— Я Локвуд, сэр, ваш новый жилец. Почитаю за честь прибыть немедленно по приезде, дабы выразить надежду, что не затруднил вас, упорствуя в своем намерении арендовать Скворечный Усад, — вчера я слышал, у вас имелись некие соображенья...

— Я, сэр, в Скворечном Усаде хозяин, — перебил он меня, поморщившись. — И затруднить меня за-

труднительно, если я могу сие предотвратить... входите!

«Входите» он процедил сквозь зубы, имея в виду рекомендовать мне катиться к чертям, и даже ворота, разделявшие нас, слов его не поддержали и не дрогнули; полагаю, однако, что обстоятельства потребовали от меня принять приглашение — человек, являвший замкнутость еще нарочитее моей, пробудил во мне интерес.

Обнаружив, что лошадь моя положительно таранит препону грудью, он соизволил шевельнуть рукою и отворить ворота, первым угрюмо зашагал по мощеной дорожке и, ступив на двор, окликнул:

— Джозеф, уведи лошадь господина Локвуда; да принеси нам вина.

«Иных домочадцев здесь, по видимости, не имеется, — вот какое наблюденье подсказал мне порядок в сем доме. — Нечего и дивиться, что на дорожке меж плит пробивается трава, а изгородь стригут лишь овечьи зубы».

Джозеф был немолод — паче того, престарел, и даже, вероятно, очень стар, однако жилист и крепок.

— Господи помоги! — не без сварливого неудовольствия воззвал он, принимая у меня поводья моей лошади и между тем взирая мне в лицо весьма кисло; милосердие понудило меня предположить, что слуге не обойтись без Божьей помощи в рассуждении пищеваренья, а благочестивый возглас его не имеет касательства к моему внезапному визиту.

Громотевичная Гора — вот как зовется обиталище господина Хитклиффа, говоря же проще — Грозовой

Перевал. «Громотевичная» — таким образным манером на местном диалекте описывают атмосферные треволнения, коим в бурную непогоду подвержено сие жилище. Сколь неизменно чист и свеж здесь эфир: о мощи северного ветра, что задувает из-за утеса, нетрудно догадаться по крутому наклону редких корявых елей на задах и по веренице чахлах боярышников, что тянут ветви в одну лишь сторону, будто алча солнечной милости. По счастью, архитектору достало дальновидности сложить дом на славу: узкие окна глубоко утопают в стене, а углы укреплены рустами.

У порога я помешкал, залюбовавшись гротесковой резьбой, обильно украшавшей фасад и всего более — парадную дверь, над каковою среди полчищ крошащихся грифонов и бесстыжих младенцев мужеского полу я разглядел дату «1500» и имя «Хэртон Эрншо». Я бы отпустил замечанье-другое и испросил у хмурого владельца краткую историю поместья, однако тот воздвигся в дверях, по видимости, побуждая меня к поспешному вступлению в дом либо срочному отбытию, а я не питал желанья приумножать его гнев прежде, нежели осмотрю святая святых.

Первым же делом мы шагнули в семейную гостиную, не предваренную ни прихожей, ни коридором: в здешних местах это помещенье главным образом и называют «домом». Обычно тут же располагаются кухня и салон; однако, по моему впечатлению, в Громотевичной Горе кухню оттеснили в иные пределы — по крайней мере, из глубин я уловил болтовню и звон столовых приборов, а в громадном очаге не обнаружил ни малейших признаков жарки, вар-

ки или же выпечки и равно не заметил проблесков медных кастрюль и жестяных ковшей по стенам. У одной стены, впрочем, свет и жар замечательно отражались от громадных оловянных блюд, перемежаемых серебряными кувшинами и кружками, что рядами высились на огромном дубовом буфете под самую крышу. Эта последняя лишена была потолка: вся ее анатомия открывалась пытливому взору, лишь отчасти заслоняемая деревянными балками, кои были обременены овсяными лепешками и гроздьями говяжьих ног, свиных окороков и баранины. Над очагом располагались во множестве грозные старые ружья и пара кавалерийских пистолетов; три размалеванные жестянки, установленные на полке, служили орнаментацией. Пол — гладкого белого камня; стулья — с высокими спинками, грубой работы и выкрашены зеленым; черное кресло-другое таилось в тени. В нише под буфетом лежал громадный пойнтер — сука шоколадного окраса в окружении обильного визжащего помета; в прочих укромных углах хоронились другие собаки.

Сии апартаменты и обстановка прекрасно подошли бы непритязательному северному фермеру, обладателю упрямой гримасы и крепких рук, что трудится к собственному благу, оных рук не покладая и облачившись в бриджи с подтяжками. Улучив подходящую минуту после обеда, подобную личность в кресле за кружкою пенного эля на круглом столике узришь, прогулявшись меж этих холмов миль на пять или шесть в любую сторону. Однако господин Хитклифф составляет выдающийся контраст своему жилищу и укладу. Лицом он смуглый цыган, нарядом

и повадками джентльмен — говоря точнее, джентльменством едва ли уступит многим сельским сквайрам: пожалуй, неопрятен, хотя небрежность его скрадывается чопорной фигурой и красивым сложением; к тому же он весьма угрюм. Кое-кто заподозрит в нем, вероятно, нечистокровную заносчивость, но сочувственные струны во мне противятся сему допущению: я инстинктивно постигаю, что сдержанность его происходит из нежеланья выставлять чувства напоказ — обнаруживать взаимную доброту. Он равно склонен любить и ненавидеть скрытно и ответную любовь или же ненависть сочтет проявлением дерзости. Нет, я слишком тороплюсь: чрезмерно щедро наделяю его чертами собственного нрава. Быть может, господина Хитклиффа воздерживаться от рукопожатия при встрече с будущим знакомцем побуждают решительно иные мотивы, нежели движут мною. Оставьте мне надеяться, что склад моего характера едва ли не своеобразен: как говаривала моя дражайшая матушка, не найдется пристанища, где я смогу преклонить главу, и лишь минувшим летом я оказался совершенно подобного пристанища недостоин.

Проводя отрадный погожий месяц на побережье, я волею судьбы очутился в обществе восхитительно-го созданья: она виделась мне подлинной богиней, пока не замечала меня. Вслух я «чувств своих не раскрыл», однако, если б заговорили взоры, даже распоследний идиот догадался бы, что я влюблен по уши; в конце концов она поняла меня, послала ответный взор — и невозможно было вообразить взора нежнее. Но что же сделал я? Каюсь со стыдом: улиткою забрался холодно в раковину, в ответ на всякий

следующий взгляд отступал все холоднее и дальше, пока несчастное невинное дитя не усомнилось в собственном рассудке и, придя в смятение пред лицом якобы ошибки, не убедило свою мать сняться с лагера. Сия любопытная причуда характера заслужила мне репутацию расчетливой бессердечности, и лишь мне одному ведомо, сколь незаслуженно подобное суждение.

Я сел обок от очага, в углу, противоположном тому, к коему направился мой домовладыка, и заполнил повисшую паузу, отважившись погладить собачью мамашу — та бросила своих отпрысков и волчьим манером подбиралась с тыла к моим ногам, задрав губу и голодно роняя слюну с клыков. Моя ласка исторгла из нее продолжительный утробный взрык.

— Не трогали бы вы псину, — в унисон с нею проворчал господин Хитклифф, пинком предотвратив дальнейшие изъяснения свирепости. — Ее не балуют и за комнатную собачку не держат, она к такому не привычна. — И затем, шагнув к боковой двери, снова крикнул: — Джозеф!

Джозеф откликнулся невнятным бормотаньем из глубин подпола, однако не выказал намерения подняться, и посему хозяин его низвергся в глубины сам, оставив меня *vis-à-vis* со злобной сукой и парой грозных кудлатых овчарок, кои вместе с нею ревниво стерегли малейшее мое движенье. Не желая накоротке познакомиться с их клыками, я сидел неподвижно, однако, решив, что сие трио вряд ли понимает бессловесные оскорбления, принялся, увы, подмигивать им и корчить рожи, а некая перемена

моего лица так прогневила мадам, что та внезапно озверела и скакнула мне на колени. Я отпихнул ее и поспешно отгородился столом. Сей поворот разворошил весь улей: к средоточию кутерьмы из разнообразных тайных убежищ восстали полдюжины четвероногих друзей всевозможных размеров и возрастов. Ощущения говорили мне, что атаке подвергаются главным образом мои пятки и фалды; кочергой в меру сил отбиваясь от противников покрупнее, я принужден был громко воззвать к кому-нибудь из домоладцев, дабы пришли и восстановили мир.

Господин Хитклифф со слугой взбирались по подвальной лестнице с досадной флегматичностью; мне представляется, шаг их не ускорился ни на секунду, хотя вокруг очага стоял лай и положительно бушевала буря. По счастью, кухонная прислуга оказалась расторопней: дородная дама с запроваженным подолом, оголенными руками и пылающими щеками ворвалась к нам на поле боя, размахивая сковородой; применив свое оружие, а равно свой язык, дама как по волшебству утишила ураган, и когда появился хозяин дома, на сцене пребывала она одна — волнуясь всем телом, точно море после шторма.

— Это что тут за дьявольщина? — осведомился господин Хитклифф, меряя меня взглядом, коего я после столь нерадушного приема снести не мог.

— Дьявольщина, иного слова не подобрать! — буркнул я. — Ваши твари, сэръ, похуже стада одерженных свиней¹. Отчего ж было не оставить гостя в обществе тигров?

¹ Аллюзия на: Мф. 8:28–33. — *Здесь и далее прим. переводчика.*